

Сила слова

Николай Иванович Быков, мастер художественного слова, вернулся из поездки. Дело было обычным: Свердловская филармония с давних пор практикует посылки концертных бригад на предприятия, заводы и колхозы области. Но Николай Иванович зачастую ездит один. Он дает в колхозах самостоятельные концерты. Такие поездки всегда доставляют ему большое удовлетворение.

— Много дают мне эти выезды, — говорит он, — я ведь учусь у моих слушателей. А колхозный слушатель очень требователен и строг: он не прощает никакой фальши, никакой несправильности, и художественное чтение воспринимает очень своеобразно. Скажем, я читаю «Гости в Стукачах» Овечкина или отрывки из романа Шолохова. Колхозник слушает и обязательно связывает произведение с делами и людьми своего колхоза. Вот я вам расскажу, как проходят концерты...

И он с увлечением начинает рассказывать. Но получается как-то так, что рассказ о концерте незаметно и очень быстро переходит в рассказ о колхозе, о его делах и людях. И эти дела и люди по-настоящему, искренне волнуют его. У Николая Ивановича наблюдательный, «выдающий» глаз, и словами он, точно цветными карандашами, рисует яркие картины.

...Там, где есть клуб, он читает со сцены. А иной раз концерты проходят в сельсовете, в правлении колхоза или в школе. И тогда кажется, что и артист, и слушатели — просто добрые знакомые, собравшиеся поговорить о том, о сем. Это и проще, потому что стирается всякая грань между зрительным залом и сценой, создается еще более тесное общение со слушателями, и, вместе с тем, труднее: требуется большая тонкость исполнения.

Сидит Николай Иванович на скамье и свободно, просто, по-домашнему читает. В его руках нет никакой книжки, он все читает наизусть.

К. ФИЛИПОВА.

Очень близки и понятны колхозникам «Гости в Стукачах». Сюжет этой повести прост. Соревнуются два колхоза — «Малая революция» и «Красный Кавказ». И мажорны посылают в «Красный Кавказ» на хутор Стукачи комиссию для проверки исполнения соцдоговора. Комиссия обнаруживает в стукачевском колхозе массу неурядиц. Там, правда, хорошо отремонтирован инвентарь, но из рук воп плохо с животноводством. Не поправились гостям ни молочная ферма, ни овцеводческая. Коровы топкие, грязные, продуктивность фермы — низкая. Свины — всякая смесь. По большому все раскритиковали гости свиной — мелко-рослых, горбатых, на которых больше щетины, чем сала. На собрании, после проверки, комиссия откровенно высказывает стукачевцам свое неодобрение, резко критикует их, и пристыженные стукачевцы дают слово выправить все недочеты.

Тема близкая, волнующая. Колхозники внимательно слушают повесть. Ведь и у них бывали неполадки. Много выправлено, а кое-что и теперь неладит. И кажется, что артист, приехавший из города, читает про них.

Связь художественного произведения с жизнью, общение артиста со слушателями не прерывается в течение всего концерта. Это — живая, органическая связь.

— «Так что ж за причина, — читает Николай Иванович, — у нас 2.000 литров, а у вас 500. Кто виноват — корова? Коровы у вас хорошие: раздощь — но 3.000 литров дадут. Но откуда ему быть, молоку? Района правильного нету, кормовые единицы не учитываются. Стали спрашивать доярку и бригадира, они

смотрят на нас, как на иностранцев: что это за диковина — кормовая единица? Им эти слова совершенно даже непонятны. Вот навоз — это понимают, потому что по колхозу в навозе ходят... Эх, вы! Еще соревнование с нами заключили. Куда вам, грешным, с нами тягаться!».

Читает Николай Иванович и видит: головы колхозников повернулись в одну сторону. На второй скамье сидит человек. Голова его клонится все ниже и ниже... Он не подымает глаз. Из зала раздаются негромкое:

— Нишь, как бригадир застыдиле! Работал бы лучше — не пришлось бы стигать головушку от стыдобушки. А ты по стыдись, слушай. Авось, на пользу пойдет!

Уличенный художественным словом и живыми людьми, бригадир еще ниже склоняет голову.

Иногда раздается голос «защиты»:

— Да ведь не про него рассказывают! — Чего там — не про него? — слышится решительное возражение. — Не про него! Что имя да фамилия другая, зато звание одно — лодырь. Значит, и про него!

Николай Иванович читает отрывок из романа Шолохова. Боец Зяглицев на привале рассказывает товарищу о своей не в меру ревнивой жене.

В зале слышится шорох и шопот. Все оглядываются на женщину в белом платочке. Смущенная неожиданным общим вниманием, женщина поднимается и стремительно уходит.

— Сама такая — вот и не стерпела, — объяснили потом Николаю Ивановичу. — Так же мужика своего ревнует, жития не жет. Не поглянулось бабочке пранцу усыпить.

— Теперь, гляди, придерживать ревность станет...

— А что ты думаешь? Опо, слово-то, когда его ко времени скажешь, — ух, какую силу имеет!

А вот читает Николай Иванович из тех же «Гостей в Стукачах» про пьяницу-животноводца:

— «...Начал наш Никита пьянствовать. Рассобачился окончательно, пьет, по-старому сказать, как перед страшным судом. Праздник, будень — ни с чем не считается. Патефон, соленый огурец — больше ему ничего не нужно. Допосыт ему: пропали быки — с горя пьет. Напились быки — с радости пьет. Издохла корова — помилки справляет, отелится — крестины...»

А на фермах коров не чистят, корм переводят, две траншеи силоса погнула, буряки поморозили.

Много бед падала пьяница-животновод. Колхозники слушали, и лица их были серьезны и суровы. А позднее выяснилось: в этом колхозе председатель любил выпить и как раз в день концерта приехал из района навеселе.

Возновались колхозники, прослушав повесть. А что, если председатель доведет и их колхоз до таких же бед, как в Стукачах? И вот рано утром один из колхозников едет в район, а вскоре туда вызывают и председателя...

Чтение кончается. И дорожке всяких аплодисментов для Николая Ивановича увидеть, как слушатели окружают его плотным кольцом и кто-нибудь говорит:

— Это ты, Николай Иванович, правильно сказывал. У нас вот то же было...

И начинается сердечная, дружеская беседа. Колхозники рассказывают артисту о своих достижениях, не скрывают и недостатков. И нередко тут же обещают выправить отстающий участок работы.

Бывает и так, что, закончив концерт и уже попрощавшись со своими слушателями, Николай Иванович собирается ехать дальше, и вдруг слышит:

— А ты бы еще почитал. Николай Иванович!

— Расскажи еще!

И Быков снова усаживается на место и начинает рассказывать.

Читает он просто и искренне. Его чтение, действительно, похоже на рассказ, и однажды один старик-колхозник был твердо убежден, что Николай Иванович читает не отрывок из романа, а рассказывает о себе, о своей жизни, о своей

жене. Когда кончился концерт, старик подошел к артисту и сказал:

— Эх, Николай Иванович, ты как будто мужик хороший, а почему жена-то у тебя плохая? Знать, не воспитываешь ты ее...

Николай Иванович побывал уже во многих колхозах нашей области и с подъемом рассказывает о растущей культуре колхозников, об уютных клубах, появляющихся даже в отдаленных от городских и районных центров селах.

— Сухановский сельсовет, Артинского района, — говорит он, — объединяет пять колхозов. Вы знаете, что это за село Сухановка? Тянется оно на семь километров, а на самой середине — Дом культуры. Этакий домик возвышается! В нем и библиотека, и даже библиарная. Есть чайная. И это в 105 километрах от железной дороги! А в колхозе «Согласие» огородили площадь около клуба, колхозная молодежь насадила сад. В этом же колхозе строят жилой дом для учителей.

Он долго рассказывает о клубах в колхозах «Свой труд», «1 Мая» и многих других. Радует его, что в колхозах есть электричество и вспоминает о концерте в колхозе «Объединение».

— Богатый колхоз. Колхозники на концерт пришли наряженные, как в праздник. Вообще во многих колхозах одеваются хорошо, а в этом было как-то все по-особому. Председатель у них — Герой Социалистического Труда Бакуини. Стоим мы с ним после концерта, разговариваем, вдруг подходят девушки. Платя на них крещенищевые, туфельки модельные. Шелковые, цветные козыньки. Подходят ко мне, подают букет цветов. Я удивился, спрашиваю: откуда это у вас городские девушки взяли? А Бакуини улыбается: «Это, говорит, не городские, это наши колхозницы. А что? Да у нас почти вся молодежь — образованнее, не ниже семилетки». Потом подошли колхозники и с такой гордостью говорит мне:

— А у нас и фермы хорошие, и скот первосортный, не то, что в Стукачах, про которые вы рассказывали. Лошадушку запрягли, на которой Вас привезли? Орел, не лошадка!

— А как у вас с севом?

— Сев закончили хорошо. Пшеницу всю вкрест посеяли.

Николай Иванович рассказывает обо всем этом с явным чувством гордости — таким же, как у колхозников из «Объединения».

— А вот, например, колхоз «Последователь». Дружный, дисциплинированный и богатый. А работают как! Дочка председателя Ольга Чеснокова, с трех гектаров больше 500 центнеров картофеля сняла. Орел Ленина имеет! Да и не одна она — все хорошо работают. Да что говорить! Этот колхоз дом агротехучебы строит. Вот вам и деревня! У них и с животноводством хорошо, нынче они дали обещание мясоставки выполнить одной свиной! — торжествующе заканчивает Николай Иванович, а через минуту добавляет еще одну подробность:

— Вот люди! Концерт начали в одиннадцать тридцать вечера, кончили на рассвете, а в семь утра правление заседало...

О своих слушателях Николай Иванович Быков готов рассказывать без конца и рассказывает он с любовью к ним, с гордостью за них. Слушателей у него много. Он читает не только в колхозах: выступает и перед академиком, и в рабочих клубах, и на заводах, и на новостройках. Читает Пушкина, Горького, Алексея Толстого, Фадеева, Шолохова, Дескова. Читает сказки Павла Петровича Бажова. И со всеми слушателями находит общий язык.

Мастер художественного слова, Николай Иванович Быков рассказывает обо всем этом с непритворным волнением. Он сам всегда — под животворящим действием художественного слова и, любя свое дело, вкладывая в него все свое умение, свое мастерство, он передает это слово так, что оно оказывает действие и на его слушателей.

Советский артист горд и счастлив. Он видит: люди, прослушав произведения, которые он им читает, — уходят в поле, в цех, к станку, на стройку, охваченные еще большим патриотическим подъемом, еще большим желанием честно, самоотверженно послужить своей Родине.